

Артур Гиваргизов

ЗАПИСКИ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ
ДВОЕЧНИКА

Москва
2016

УДК 821.161.3-93

ББК 84Р7-4

Г46

Оформление, макет – Валерий Калныньш

Иллюстрации – Вера Кортаева

Гиваргизов А. А.

Г46 Записки выдающегося двоечника. — М.: Время, 2016. — 144 с.: ил. (Серия «Время — детство!»).

ISBN 978-5-9691-1477-7

Опять о школе. Ну да, а куда от неё денешься? Школу можно любить или не любить... Но если любишь и считаешь её своей, то, наверное, можно и посмеяться. Над школой. Над учителями, учениками, родителями... Над собой. Это будет не обидный смех.

ББК 84Р7-4

ISBN 978-5-9691-1477-7

© Артур Гиваргизов, 2016

© «Время», 2016

ЗАПИСКИ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ
ДВОЕЧНИКА

1 сентября, перемена

О ГЕМАТОГЕНАХ

— Послушай, Сереберцева, — спрашивал Серёжа у отличницы Сереберцевой, — почему ты такая отличница?

— Круглая, — добавила Сереберцева.

— Круглая, — согласился Серёжа. — Может быть, ты ешь что-нибудь особенное или пьёшь?

— Да вроде нет, — задумалась Сереберцева. — Пепси, чипсы.

— Я тоже — пепси-чипсы, — сказал Серёжа, — тогда почему ты отличница?

— Это гены, — сказала Сереберцева, — гены, миленький Серёжечка.

— Ага! — воскликнул Серёжа. — Вот видишь!

И убежал.

Серёжа прибежал в аптеку и спросил:

— У вас есть гены?

— У нас только гематогены, — сказали в аптеке.

— Давайте, — обрадовался Серёжа, — шесть штук. Нет, семь!

Серёжа съел семь гематогенов и побежал опять в школу. На химии он получил двойку, а на алгебре двойку с минусом.

Тогда Серёжа разозлился и стал бегать за Сереберцевой и выкручивать ей руку.

2 сентября, урок физики

СЕМЬ МИНУТ

— Ну что, Гаврилов, сразу двойку ставить, или прогуляешься к доске и обратно? — спросила Вера Петровна, и Серёже стало обидно.

«Откуда она знает, — думал он, — что я не выучил урок? Зачем она так говорит?!»

— Откуда вы знаете, Вера Петровна, что я не выучил? — спросил Серёжа.

— Так ты же никогда не учишь! — удивилась Вера Петровна.

Серёжа встал, поднял вверх указательный палец и простоял так одну минуту, как бы к чему-то прислушиваясь.

— Это да, — согласился он, — но вдруг сегодня выучил?

— А ты выучил? — спросила Вера Петровна.

Серёжа задумался. Он рассеянно посмотрел на Коперника, потом на Ньютона и наконец ответил:

— Нет.

— Можно теперь двойку ставить? — спросила Вера Петровна.

Серёжа посмотрел на часы.

— Теперь можно, — согласился он, — теперь мы выяснили.

— А в чём разница? — спросила Вера Петровна.

— В том, что я получил двойку на семь минут позже, — ответил Серёжа.

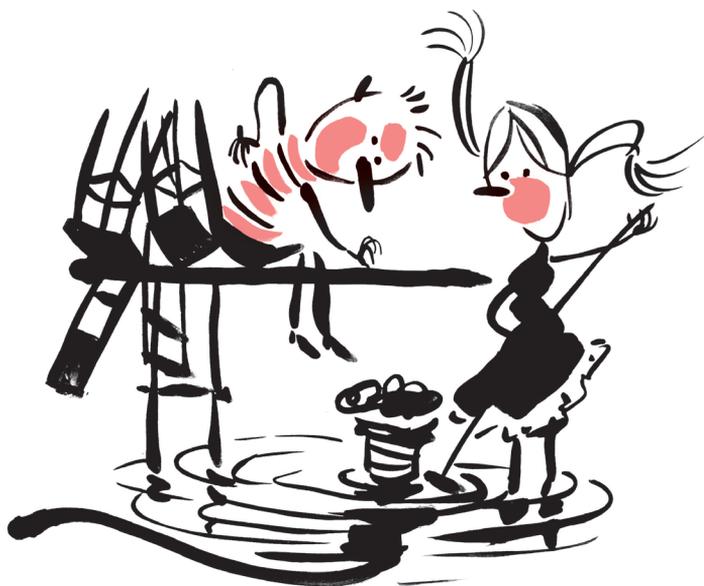
— Не понимаю, — сказала Вера Петровна, — неужели тебе от этого легче?

— Просто папа сказал: «Продержишься на физике хотя бы пять минут — куплю тебе футбольный мяч». А я продержался семь, — объяснил Серёжа.

— Мы свидетели, — сказали Кулаков, Зубов и Сереберцева.

— Понятно, — сказала Вера Петровна.

3 сентября, после уроков

ЖЕНИХ НАШЁЛСЯ

Однажды Серёжу и отличницу Сереберцеву оставили убирать класс.

— Ты давай полы мой, — сказал Серёжа, — а я буду доску вытирать.

— Сравнил, — сказала Сереберцева, — лучше наоборот.

— Ну хорошо, — сказал Серёжа, — ещё цветы полью.

— Нашёл простушку, — сказала Сереберцева.

— Ладно, — сказал Серёжа, — плюс стулья поставлю на парты.

— Даже говорить не хочу, — сказала Сереберцева.

— Плохая ты хозяйка, — сказал Серёжа. — Я на тебе не женюсь, когда вырасту.

— Ой, напугал, — сказала Сереберцева, — сейчас умру. Ладно, я всё вымою.

— А я доску вытру, — обрадовался Серёжа.

— Да сиди уж, — проворчала Сереберцева. — Карман-то на пиджаке отпоролся. Пиджаков не напасёшься. Хорошо, что у меня нитка с иглой есть. Бегаешь со своим Зубовым на перемене, потом ходишь как оборванец.

4 сентября, на литературе

О ПОЭЗИИ

Серёжа никогда не мог понять, почему отличница Сереберцева любит стихи.

— Послушай, Сереберцева, — как-то спросил Серёжа, — ну я понимаю, когда задали, но ты, говорят, и когда не задали, читаешь?

— Читаю, — ответила Сереберцева, — стихи вызывают во мне разные настроения.

— Всё это мы слышали, — усмехнулся Серёжа, — от
училки по литературе.

— Не веришь — не надо, — пожала плечами Серебер-
цева.

— Конечно, не верю, — сказал Серёжа, — но хочу понять.
Может, тебе родители за это доплачивают? Признайся, а? Зуб
даю, никому не скажу.

— Ничего они мне не доплачивают, — рассердилась Сереберцева, — отстань, а то врежу!

— Ну хорошо, — не унимался Серёжа. — Наша Таня громко плачет, уронила в речку мячик. Э-э-э... Дальше не помню. Что с тобой, Сереберцева?! Ты плачешь?!

— Отстань, Гаврилов, — плакала Сереберцева, — не мог что-нибудь весёленькое прочитать. Теперь весь день буду плакать.

— Вот это да! — поразился Серёжа. — Как действует! Сейчас, Сереберцева, сейчас... М-м-м-м... Коля в деревне нашёл пулемёт... нет, не то. Сейчас, сейчас, потерпи... М-м-м... Маленький мальчик на дерево влез... опять не то. А, вот! Вспомнил! Тише, Танечка, не плачь, не утонет в речке мяч. Не утонет, Сереберцева! Ура! Ну как, легче?

— Легче, — шмыгнула носом Сереберцева.

5 сентября, большая перемена

СКОЛЬКО СТОИТ ВЕЕР

Однажды Серёжа сказал отличнице Сереберцевой:

— Сереберцева, сейчас я посвящу тебе победу над Зубовым.

— А я не люблю, когда борются, — сказала Сереберцева. — Можешь не посвящать.

— Жаль, — огорчился Серёжа.

— Не жаль, — обрадовался Зубов.

— А веер хочешь из голубиных перьев? — спросил Серёжа.

— Ну покажи, — сказала Сереберцева. — Посмотрим.

— Вот, — сказал Серёжа и достал веер, — я его сам сделал. У нас на чердаке много перьев.

— Веер беру, — сказала Сереберцева, — за домашнюю по алгебре.

— Мало, — нахмурился Серёжа.

— Не хочешь — не надо, — сказала Сереберцева.

— Я когда по чердаку лазил, головой о балку ударился, — обиделся Серёжа. — Может, у меня сотрясение мозга.

— Ладно, по алгебре и по химии, — согласилась Сереберцева. — Принесёшь ещё перьев, я себе платье сошью.

— Принесу, принесу! — обрадовался Серёжа.

— Мне можно идти? — спросил Зубов.

— Иди, Зубов, — сказал Серёжа, — ты мне сегодня больше не нужен.

6 сентября, на уроке истории

А КТО ТАКОЙ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ?

Серёжа сидел на уроке истории и смотрел в окно. Он не слышал, о чём рассказывает учительница, но зато видел, как около палатки с мороженым какой-то мальчик ест эскимо. Присмотревшись внимательно, Серёжа узнал Кулакова.

«Молодец, — подумал Серёжа о Кулакове, — всех обманул. Родители думают, что он в школе, а в школе думают, что болеет, а он — ха-ха-ха — ест эскимо. Мне бы так».

— Гаврилов, ты о чём там задумался? — спросила учительница.

— Да так, — вздохнул Серёжа. — О том, что бывают смелые люди и какая у них прекрасная жизнь.

— Это ты имеешь в виду Александра Невского? — спросила учительница. — Я рада, что эта история заставила тебя задуматься.

— Заставила, — сказал Серёжа. — А можно выйти?

— Нельзя, — сказала учительница.

«Да, — подумал Серёжа, — Кулаков прав: по-честному ни с учителями, ни с родителями не получается».

7 сентября (воскресенье), по дороге из гостей

ДНЕВНИК

Однажды Серёжа нашёл дневник Селезнёвой Кати — ученицы 5 класса «Б» 545-й школы. В дневнике были пятёрки с подлинными подписями. «Надо отнести этот дневник в 545-ю школу, а они уже сами найдут Селезнёву Катю, — подумал Серёжа. — Или надо отнести этот дневник в детскую комнату милиции, там все отличники на учёте. Или в стол находок. Или в Музей революции».

Серёжа достал специальный японский ластик, стирающий чернила, стёр «Селезнёвой Кати» и «545», написал такими же синими чернилами «Гаврилова Серёжи», «754», и получилось: «Дневник ученицы 5 класса “Б” Гаврилова Серёжи».

— Непорядок, — заметил Серёжа, стёр «цы» и написал «ка».

Серёжа принёс дневник домой и показал папе.

Папа пощупал бумагу, посмотрел в микроскоп... И когда убедился, что подписи не фальшивые, сказал:

— Молодец! Можешь идти гулять.

8 сентября, после уроков, по дороге домой

ХИТРЫЙ ЗУБОВ

Иногда Серёжа давал Зубову подзатыльники. Сначала Зубов привязывал к затылку подушку, потом вратарскую маску, а однажды привязал кактус и замаскировал его волосами.

— Зубов становится всё хитрее и хитрее, — пожаловался Серёжа своему другу Коле Кулакову. — Скоро вообще не смогу давать ему подзатыльники.

— А ты давай пинки, — посоветовал Коля. — Пинки безопасней. Помнишь кактус?

— Ещё как! — поморщился Серёжа. — У меня тогда рука болела два дня.

— Вот видишь, — сказал Коля, — переходи на пинки, верное дело.

— Я подумаю, — согласился Серёжа.

На следующий день Зубов пришёл с привязанным к затылку капканом. Он ходил по школе и свысока поглядывал на Серёжу. Серёже даже показалось, что Зубов в него плюнул.

Тогда Серёжа подошёл к Зубову и дал ему пинка. Зубов побледнел и перестал поглядывать свысока.

— Ну как? Получилось? — спросил Серёжу Коля Кулаков. — Ногу не повредил?

— Пока получилось, — озабоченно ответил Серёжа, — а дальше не знаю.

— Будем надеяться, — сказал Коля.

— М-м-м, да, — согласился Серёжа.

9 сентября, на уроке физкультуры

О ТОМ, КАК СЕРЁЖУ ПЕРЕСТАЛИ УВАЖАТЬ

Серёжа был в своём классе очень уважаемым человеком, потому что он был самым сильным. И это подтверждала отметка по физкультуре — неизменная пятёрка с плюсом.

К Серёже все обращались за советом. Например, как поступить с дневником, в котором появилась двойка? А как с учителем, поставившим двойку? А как с родителями, не покупающими компьютер? А как с Сереберцевой?

И Серёжа всегда с удовольствием давал бесплатные советы. Например, дневник растворить в пепси-коле, назло родителям заболеть свинкой, а Сереберцеву, как обычно, толкнуть, чтоб загремела, а учителю наперчить носовой платок и засунуть кактус в рукав пальто.

Потом Серёжа привык и перестал получать удовольствие от своего положения. Тогда он написал: «Бесплатных советов не даю». И повесил табличку себе на грудь.

Но без Серёжиных советов уже никто не мог обойтись. Повздыхали, поворчали и, что поделаешь, стали платить. Денег ни у кого не было — стали платить бутербродами.

Ел Серёжа бутерброды, ел, ел, ел и через три месяца так поправился, что не то что прыгнуть в высоту на метр двадцать, а вообще оторваться от пола не мог.

Стали Серёже по физкультуре ставить двойки. Как он ни кричал: «Да вы что, не узнаете меня, что ли?! Это же я, Серёжа!» — всё равно ставили двойки.

А потом случилось непоправимое — Зубов обозвал Серёжу дирижаблем. Хотел Серёжа дать Зубову пинка, но не смог свою поправившуюся ногу поднять.

С этого времени Серёжу уважать перестали, и, конечно, за советом к нему больше никто не обращался.

